

Валентина Селезнёва
Ожерелье Хранителей

фэнтези

Валентина Селезнёва

Ожерелье Хранителей. Фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73436328

ISBN 9785006937505

Аннотация

Что, если главный враг – не злой, а просто сломленный? Тихий мальчик Макс находит магический кристалл, который дарит ему друзей и втягивает в древнюю войну. Чтобы остановить могущественную Колдунью, её нужно не победить, а понять. Но как исцелить сердце, которое само выбрало тьму?

Содержание

Часть 1: Сердце холма	5
Глава 1: Уголёк надежды	5
Глава 2: Сердце холма	32
Глава 3: Нечаянный друг	53
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ожерелье Хранителей Фэнтези

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0069-3750-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1: Сердце холма

Глава 1: Уголёк надежды

Макс шёл по улице, не поднимая головы. Для него мир начинался и заканчивался на уровне бордюрного камня. Асфальт под его стоптанными кедами был похож на старую, растрескавшуюся карту неведомой страны, и Макс, кажется, выучил на ней каждую линию, каждую щербинку, каждую тёмную отметину от пролитого кем-то кофе. Смотреть под ноги было привычным делом. Там, внизу, не было лиц, не было глаз, которые могли бы посмотреть на него... или, что ещё хуже, скользнуть по нему, как по пустому месту.

Вокруг него бурлил город. Поток людей был плотным, как река в половодье. Они спешили, смеялись, жестикулировали, говорили по телефону, создавая единый, неразборчивый гул. Макс был камнем на дне этой реки. Поток не замечал его, он просто обтекал его с двух сторон, и никто, казалось, даже не менял траектории. Иногда его толкали плечом, бросая на ходу короткое «извини», не оборачиваясь. Для них он был мимолётным, бесплотным препятствием, не более.

Он заставил себя поднять взгляд, но не на людей, – на витрины. Огромные, отполированные до блеска стёкла магазинов были его личным зеркалом мира. В них отражалась вся

кипучая жизнь улицы: вот проехала женщина на ярко-жёлтом велосипеде, её волосы развевались, как флаг; вот парочка, взявшись за руки, что-то с жаром обсуждала, их лица были совсем близко друг к другу; вот отец подкинул на руках маленькую дочку, и её отражённый в стекле смех, казалось, был слышен даже сквозь городской шум.

Среди этих людей, в той же витрине, плыл Макс. Его отражение было другим. Оно казалось бледным, почти прозрачным. Фигура с опущенными плечами, в серой толстовке с натянутым на голову капюшоном, который скрывал его лицо не хуже, чем плащ-невидимка. Он не шёл – он скользил, как призрак, наложенный на яркую, живую картинку. Другие люди в отражении были объёмными, настоящими. Он же был плоским, двухмерным наброском, который вот-вот сотрёт случайный прохожий.

Макс остановился напротив витрины магазина игрушек. Там, за его прозрачным силуэтом, стоял огромный плюшевый медведь с добрыми глазами-пуговицами. На мгновение ему показалось, что медведь смотрит не в мир, а сквозь него, сквозь его отражение, видя лишь пустоту. В этот момент чувство одиночества стало почти физическим – холод, сжавший грудь. Он был здесь, он дышал, его сердце билось, но для мира, отражённого в стекле, его не существовало.

Он снова опустил голову и шагнул дальше, возвращаясь к своей растрескавшейся карте под ногами, которая вела его каждое утро в одно и то же место, – к широким школьным

дверям. И если на улице его мантия-невидимка ещё хоть как-то работала, то здесь, внутри, она начинала приносить сбой.

Школьный коридор на перемене напоминал джунгли. Крики, визг, громкий смех, сотня разговоров одновременно – всё это смешивалось в один большой водопад звуков, который, казалось, мог сбить с ног. В этом водопаде Макс был человеком-хамелеоном. Его главная задача – слиться со стеной, стать таким же незаметным, как трещинка на кафельной плитке.

Он прижимался к прохладной стене, делая вид, что ищет в рюкзаке что-то очень важное. Из этого укрытия он наблюдал. Мимо проносились стайки одноклассников, и Макс чувствовал себя так, будто сидит в батискафе на дне шумного, бурлящего океана. Он видел, как вокруг плавают весёлые рыбки-одноклассники, но все их звуки доносились до него глухо, как сквозь толщу воды.

Вот Артём, самый популярный мальчик в классе, показывает что-то на экране телефона, и вся его компания взрывается от хохота. Вот Аня и Лена, лучшие подружки, закрыв рты ладошками, шепчутся о каком-то большом секрете. Макс не пытался подслушать. Он знал – даже если бы он стоял рядом, он бы всё равно не услышал. Вокруг него были стены. Невидимые, но очень прочные. Он сам их строил, кирпичик за кирпичиком, из молчания и опущенного взгляда.

ДЗЗЗИНЬ!

Звонок был похож на волшебную палочку. Он одним взмахом заставил всех замереть, а потом – исчезнуть. Шумный водопад высох за десять секунд. Все рыбки-одноклассники уплыли в свои классы-аквариумы.

Наступала особенная тишина – не просто отсутствие звуков, а нечто большее: огромная, словно бескрайняя пустыня, и гулкая, будто внутри неё звучал тихий, едва уловимый голос вселенной. Каждый шаг Макса по пустому коридору отдавался громким эхом. Эта тишина в его мире была намного громче, чем весь шум перемены. Он шёл по коридору последним, и его невидимые стены никуда не делись. Просто теперь, в этой пустоте, он чувствовал их особенно отчётливо.

Эти стены он заносил с собой и в класс. Он проскальзывал внутрь, как мышонок. Большинство ребят уже сидели на местах, заканчивая последние разговоры, и его появление никто не замечал.

Его парта была самой последней, у окна. Это было лучшее и самое безопасное место в классе. Чтобы добраться до неё, ему нужно было пройти через весь ряд. Для него это было похоже на проход по минному полю. Он двигался как навигатор, прокладывающий самый безопасный маршрут: обогнуть рюкзак Кирилла, не задеть ногой стул Маши, и ни в коем случае не встретиться взглядом с Артёмом, который сидел в центре.

Наконец-то спасительная гавань – собственная парта. Для него это было настоящим убежищем, маленьким необитае-

мым островком посреди бурлящего океана школьной жизни. Он сел на стул так тихо, что тот даже не скрипнул. Бесшумно поставил рюкзак на пол, бесшумно достал учебник и перенал. Это был его отработанный до мелочей ритуал невидимости. Урок начался. На ближайшие сорок пять минут он в безопасности.

Время урока пролетело, как в тумане. Макс смотрел на учительницу, но её голос доносился будто из старого радиоприёмника – слова были, а смысла в них – нет. Он просто ждал. Ждал звонка, который, как стартовый сигнал, разрешит ему начать гонку. Гонку по маршруту «школа-дом».

Ну вот, наконец-то, – избавительная трель!

Последний урок окончен. Макс не срывался с места, как остальные. Он действовал по своему, давно проверенному плану «Призрак». Сначала дождаться, пока самый большой поток ребят вынесется из класса. Потом, когда останутся только самые медлительные, не спеша сложить вещи и только после этого, став тенью, выскользнуть в коридор.

Путь домой был похож на уровень в компьютерной игре. Главная задача – добраться до своей «базы», не потеряв ни одной «жизни». «Жизни» отнимались от случайных толчков, от насмешливых взглядов, от громких криков за спиной. Макс ловко уворачивался, лавировал, иногда замирал у стены, пропуская особенно опасную «волну» старшеклассников.

После, казалось, долгого пути, он дошёл до двери сво-

ей квартиры Он вставил ключ, провернул, шагнул внутрь и захлопнул её за собой. ЩЁЛК. Этот звук был самым лучшим звуком на свете: звук закрывающегося шлюза его личного космического корабля. Весь шумный, непонятный мир остался снаружи.

Он скинул с плеч рюкзак, который казался неподъёмным, словно был набит не учебниками, а астероидами. Глухой стук об пол. Всё. Миссия «Выживание» на сегодня окончена.

Комната Макса служила его капитанским мостиком. Тусклый свет от лампы с оранжевым абажуром делал её уютной пещерой. На стене висел большой плакат с Юпитером и его спутниками. На полке стояла модель ракеты, которую они когда-то клеили с папой. Здесь каждая вещь была на своём месте. Здесь он был главным.

Макс подошёл к столу. Его сокровище хранилось в самом надёжном месте – под стопкой старых комиксов про супергероев. Он аккуратно отодвинул комиксы и достал большую тетрадь в твёрдой чёрной обложке, гладкой и холодной на ощупь. На ней не было ни наклейки, ни подписи. Никто и не догадался бы, что это – его главный секрет.

Он открыл тетрадь. Белые, чистые листы пахли чем-то особенным – смесью бумаги и волшебства. Это был его дневник, в котором он не писал, а рисовал. Потому что как написать словами чувство, будто ты стал прозрачным? Или как объяснить, что тишина иногда бывает такой громкой, что закладывает уши? Слова всё путали. А карандаш – нет, он всё

понимал.

Макс взял свой любимый, остро заточенный карандаш. Это была его волшебная палочка. На мгновение он замер, глядя на пустой лист. Весь шумный день, все эти быстрые, непонятные люди в коридорах, все косые взгляды – всё это сейчас можно было превратить в картинку, и тогда оно перестанет быть таким страшным.

Пальцы сами начали рисовать. У всех в классе были свои компании, свои «команды», а у него команды не было. Карандаш нарисовал крошечный кружок в центре листа. Это была его планета. Потом на ней появился маленький человечек в скафандре – это он, Макс, – космонавт на необитаемой планете. Он сидел, обняв колени, и смотрел в чёрный космос.

Карандаш заштриховал пространство вокруг, делая его тёмным-тёмным. А потом в этой темноте начали появляться другие планеты. Вот большая, шумная, вся в огнях – «планета-вечеринка». От неё, казалось, даже на бумаге доносится музыка. Это, конечно, Артём и его друзья. А вот две маленькие планетки, которые всегда летают вместе, связанные светящейся ниточкой. Это Аня и Лена. По космосу проносились целые галактики, кометы, звёздные корабли. Они были яркие, живые, и никому из них не было дела до его маленького, одинокого астронавта.

Макс отложил карандаш. Он посмотрел на рисунок, и ему стало чуточку легче. Будто он взял всю свою грусть, всю свою

невидимость, которая накопилась за день, и аккуратно сложил её на этот лист бумаги. Теперь она была не внутри него, а снаружи, на которую можно было посмотреть. Печаль уже не казалась такой большой и страшной.

Он аккуратно закрыл свою чёрную тетрадь. Внутри него стало так же тихо, как в его комнате, как будто из большой чашки вылили всю мутную, грязную воду и наполнили её чистой и прохладной. Он спрятал свой дневник обратно под стопку комиксов. Его секрет снова был в безопасности. Он точно знал – дневник всё-всё понял без единого слова.

Следующее утро началось как обычно: так же, как вчера, и так же, как позавчера. Будильник, который не хочется выключать, завтрак, который не лезет в горло, тяжёлый рюкзак, который, кажется, за ночь стал ещё тяжелее. Макс снова надел свою серую толстовку – привычную, как вторая кожа, – и превратился в невидимку. Он был готов к ещё одному дню, похожему на все остальные.

Однако Вселенная, видимо, решила в этот день немного изменить сценарий.

Это случилось на большой перемене, когда школьный коридор гудел, как разворошённый муравейник. Макс, как всегда, плыл по течению, но держался у самого края, у стены, где поток был не таким сильным. Его путь лежал мимо доски объявлений. Обычно он ускорял шаг в этом месте. Доска объявлений была центром притяжения для самых громких, самых весёлых, самых «видимых» ребят, и Макс чувствовал

себя рядом с ними так, словно его вот-вот смоет волной.

Сегодня что-то заставило его затормозить.

Высокое окно напротив доски было залито солнцем. И один, особенно яркий и широкий луч, падал прямо на стену, превращая обычную пробковую доску в сцену, на которой вот-вот должно было начаться представление. И в самом центре этой сияющей сцены висел новый плакат. Ярко-жёлтый, солнечный, он словно светился изнутри.

Сердце Макса сделало странный кульбит. Он замер, притворившись, что ему нужно завязать шнурок, который и так был завязан на два узла. Из этой «безопасной» позиции, почти сидя на корточках, он украдкой наблюдал.

К плакату подошла компания Артёма. Они были похожи на маленькую королевскую свиту: смеялись, толкали друг друга, и казалось, что все остальные в коридоре расступаются, давая им дорогу. Они бросили на жёлтый лист мимолётный, скупающий взгляд.

– «Программа обмена»? – протянул Артём. – Для ботаников. Пошлите лучше в столовую, там сегодня пицца. И свита, согласно кивая, двинулась дальше.

Макс выдохнул. Он даже не понял, что до этого не дышал. Если Артёму это неинтересно, значит, это не «круто». А всё, что не «круто», было безопасной территорией. Это был его шанс.

ДЗЗЗИНЬ!

Спасительный звонок разогнал всех по классам. Коридор

опустел за считанные секунды. Макс остался один на один с сияющим плакатом. Он медленно поднялся. Шаг. Ещё один. Каждый шаг к доске был похож на шаг в неизведанное. Он чувствовал себя космонавтом, который впервые ступает на поверхность новой планеты.

Подойдя вплотную, он понял, что плакат был ещё лучше, чем казался издалека. На нём были нарисованы синие горы с заснеженными вершинами, тёплое море, в котором отражалось солнце, и незнакомый город с уютными домиками, а над всем этим – большие, прыгающие буквы, словно написанные кистью, обмакнутой в само солнце:

«ХОЧЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ?»

Эти четыре слова ударили Максу прямо в сердце. Да. Да, он хотел. Больше всего на свете.

Ниже, чуть более спокойным шрифтом, было объяснение: «Программа школьного обмена! Проведи целый месяц в новом городе, в новой школе, с новыми друзьями!»

Новый город. Новая школа. Новые друзья.

Эти слова закружились у него в голове, как волшебный вихрь. В новом городе никто не знал, что он – «тихий Макс». В новой школе у него не было бы этого шлейфа невидимки, который тянулся за ним с первого класса. Он мог бы... просто зайти в класс и сказать: «Привет!». И, может быть, кто-то бы ему ответил.

Тут же, откуда-то из глубины, выполз холодный, липкий страх. «А что, если и там никто не ответит? – проши-

пел он. – Что, если ты приедешь, а там всё будет точно так же? И ты будешь ещё более одиноким, потому что там не будет даже твоей комнаты и твоего дневника?»

Макс почувствовал, как ладони стали влажными. Страх был прав. Это был огромный риск.

Он снова посмотрел на плакат. На эти синие горы и тёплое море. *«Но что, если... что, если всё будет по-другому? – прошептал другой голос, тоненький и почти неслышимый. – Что, если там найдётся хотя бы один человек, который поймёт твои рисунки без слов?»*

Этот тоненький голос был голосом надежды, который был таким редким гостем, что Макс испугался его спугнуть. Нужно было что-то сделать. Прямо сейчас. Зацепиться за этот лучик.

Руки, слегка дрожа, потянулись к карману. Он достал телефон. Быстро огляделся по сторонам – коридор был пуст, лишь гул уроков доносился из-за закрытых дверей. Он навёл камеру.

ЩЁЛК!

Этот звук был тихим, почти неслышимым, но для Макса он прозвучал, как выстрел стартового пистолета. Всё. Гонка началась.

Он сунул телефон в карман и почти бегом бросился к своему классу, опоздав на добрую минуту. Весь урок он сидел, не слыша ни слова. Он просто чувствовал, как в кармане джинсов, там, где лежит телефон, теплится что-то маленькое

и живое.

Это больше не была просто фотография. Это был его личный, секретный билет. Маленький, светящийся уголёк надежды, который он теперь будет носить с собой и не даст ему погаснуть.

Добравшись домой и захлопнув за собой спасительную дверь, Макс первым делом бросил рюкзак в угол. Сегодня ему было не до ритуала «Призрак». Его сердце всё ещё колотилось от дневного приключения. Он вытащил из кармана телефон и снова открыл фотографию.

Вот он, этот жёлтый плакат. **«ХОЧЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ?»**.

В животе закрутился целый рой бабочек. Одни были радостные, золотистые, и щекотали крылышками, обещая невероятные приключения. *«Представляешь, – шептали они, – новый город! Новые улицы! Может, там есть магазин комиксов, которого нет у нас? Или старый заброшенный парк, где можно найти сокровища?»*

Среди них были и другие бабочки – тёмные, с тяжёлыми крыльями. *«И что ты там будешь делать один? – гудели они. – Прятаться у стены в новой школе? Рисовать в новой комнате? Думаешь, если уехать, твоя мантия-невидимка сама собой исчезнет? Станет только хуже!»*

Радостные и страшные бабочки устроили в животе настоящую битву. Макс почувствовал, что ему не хватает воздуха. Нужно было срочно спрятаться. Но его обычное убежище –

дневник с рисунками – казалось сегодня слишком маленьким для таких огромных чувств.

Ему нужно было что-то другое. Что-то по-настоящему большое.

Его взгляд упал на книжную полку. Там, среди учебников и тонких журналов, стояли толстые, потрёпанные книги в твёрдых обложках.

Макс подошёл к полке и провёл пальцем по корешкам. Он знал каждую книгу на ощупь. Вот эта, с драконом, – его любимая. Он вытащил её. Книга была тяжёлой, как слиток золота. Называлась она «Хроники Затерянных Королевств». Он открыл её. Страницы пахли пылью, приключениями и чем-то ещё, неуловимо-сладким, как старый бабушкин сундук.

Макс не стал читать. Он открыл книгу на самом интересном месте – на форзаце. Там была карта. Огромная, складная карта всего Затерянного Королевства. Он аккуратно развернул её на полу и лёг на живот, подперев подбородок руками.

Это был его мир.

Здесь не было скучных, одинаковых улиц. Здесь были Скалистые горы, похожие на зубы спящего дракона, река Серебряная Нить, которая, по легенде, текла из самого сердца луны, и Шепчущий Лес, где деревья умели разговаривать.

Макс закрыл глаза и представил себя там. Вот он, Макс-следопыт, идёт по тропе через Шепчущий Лес. Он не один. Рядом с ним – ворчливый, но добрый гном по имени Грим-

ли, который знает все подземные ходы, а за ними – быстрая и ловкая эльфийка Лиара, которая умеет читать следы зверей и птиц.

Они не просто шли рядом. Они были командой. Они доверяли ему. «Макс, куда нам теперь?» – спрашивал гном, и Макс, взглянув на мох на деревьях, уверенно показывал путь. «Макс, ты слышал этот звук?» – шептала эльфийка, и Макс прислушивался, отличая хруст ветки под лапой оленя от шагов врага.

В этом мире он не был невидимкой. Он был нужным. Важным. Он был другом.

Он открыл глаза и снова посмотрел на карту. Его палец скользнул от Шепчущего Леса к далёким Синим горам. Именно там, по сюжету книги, героев ждало главное испытание.

Вдруг его осенило.

Он быстро вскочил, схватил телефон и снова открыл фотографию плаката. Синие горы, нарисованные на нём, были так похожи на горы с его карты! И этот новый город... это ведь тоже было что-то вроде Затерянного Королевства.

Внутри что-то щёлкнуло. Все эти часы, проведённые над книгами, все эти путешествия по выдуманным картам... может, это была не просто игра? Может, это была тренировка? Вселенная готовила его к его собственному, настоящему приключению.

Битва бабочек в животе затихла. Страх никуда не делся.

Перед большим квестом всегда страшно, это знает любой герой. Но теперь, глядя на два мира – нарисованный в книге и обещанный на плакате, – Макс чувствовал, что готов.

Он был готов сделать первый шаг.

После ужина, сказав родителям, что хочет немного подышать воздухом (что было отчасти правдой, потому что от мыслей в голове стало совсем душно), Макс вышел на улицу.

На город опускались сумерки. Небо из голубого стало тёмно-синим, почти фиолетовым, и на нём, как первые светлячки, зажглись несколько звёзд. Фонари на улице включились, их жёлтый свет делал мир уютным и немного таинственным.

Макс шёл, засунув руки в карманы. В одном кармане лежал ключ от дома, в другом – телефон с фотографией плаката, который, казалось, всё ещё светился.

Он не строил маршрут. Он просто шёл, куда вели ноги, а сам в это время слушал. Снова слушал эти два голоса, которые ранее спорили у него в голове.

Макс дошёл до конца улицы и остановился под старым каштаном. Спор голосов затих. Макс понял, если он останется, всё будет по-старому: безопасно, привычно и бесконечно одиноко. А если он поедет... будет страшно. Но там будет *шанс*.

Он принял решение. Он попробует.

Однако, как только он это решил, в животе вместо порхающих бабочек появился один, но очень тяжёлый камень, ко-

торый назывался «Поговорить с родителями».

Макс медленно пошёл обратно к своему дому. Теперь, когда он победил своих внутренних драконов, ему предстояло встретиться с настоящими. Ну, не совсем с драконами, конечно, с мамой и папой. Но это было едва ли не страшнее.

Они же ничего не знают.

Для них он – просто их сын. Спокойный, тихий мальчик, который любит читать и рисовать. Они не видят его мантии-невидимки. Они не знают, что он обедает в школе один, прячась в самом дальнем углу столовой. Они не знают, что он рисует в своём дневнике одиноких космонавтов.

Что он им скажет? «Мам, пап, я хочу уехать на месяц в другой город»?

Первый же вопрос будет: «Почему, сынок?».

Что он ответит? Что у него здесь нет друзей? Что он чувствует себя призраком? Сказать это вслух – всё равно что признаться в самой ужасной тайне. Он не хотел видеть в их глазах грусть или жалость. Он не хотел их расстраивать.

«Может, они просто скажут „нет“?» – подумал Макс, и от этой мысли камень в животе стал ещё тяжелее. Они скажут, что это глупости, что у него всё хорошо, и тогда его маленький, светящийся уголёк надежды просто... пшикнет и погаснет.

Макс дошёл до своего дома и остановился на противоположной стороне улицы. Он посмотрел на светящиеся окна своей квартиры на третьем этаже. Вот она, его «база», его

крепость, но сегодня она выглядела иначе. Она была похожа на замок, в тронном зале которого его ждало самое главное испытание. Первый босс в его квесте.

Он представил, как заходит, как мама спрашивает, где он был, и как ему нужно будет начать этот разговор... И камень в животе стал таким тяжёлым, что, казалось, тянул его к земле.

Нет. Не сейчас. Ещё не сейчас.

Герои в книгах всегда находили в себе смелость. Они сражались с орками, колдунами и драконами, а ему нужно было просто поговорить.

Он сглотнул. Это было страшно. Но он помнил, что чувствовал, глядя на плакат. Он помнил свой рисунок одинокого космонавта, и он понял, что бояться разговора – это одно, а остаться на своей одинокой планете навсегда – гораздо страшнее.

Ему нужно было ещё немного времени, ещё немного походить, собраться с мыслями.

Он отвернулся от своих светящихся окон и пошёл дальше, вглубь улицы, просто чтобы оттянуть этот момент. Он сделал ещё один круг по кварталу, потом ещё один, но улицы не могли быть бесконечными, а вечер становился всё холоднее. Пора было возвращаться.

Он снова подошёл к своему дому. Теперь он был готов. Ну, почти.

Путь от края двора до двери его подъезда вдруг показал-

ся ему самым опасным участком всего его квеста: уровнем «Двор теней».

Здесь было тихо, но эта тишина была живой. Она была наполнена шорохами, скрипами и далёким гулом города и тенями, которые были повсюду.

Огромное старое дерево, которое днём казалось добрым дедушкой, сейчас превратилось в костлявого великана. Его голые ветки тянулись к небу, как сотни скрюченных пальцев, а тень от него на земле была похожа на гигантского паука, который замер и ждал.

Макс поежился.

Он сделал шаг, потом ещё один. Фонарь над его головой зажёгся, выхватив из темноты круг асфальта. На секунду стало безопасно. Но как только он сделал шаг из этого круга света, фонарь, казалось, не просто остался позади, он *смотрел* ему вслед. Осуждающе. Словно спрашивал: «И куда это ты идёшь, маленький трус? Думаешь, у тебя что-то получится?».

Его собственная тень, длинная и кривая, побежала впереди него. Она была похожа на тощего, горбатого тролля, который в страхе убегал, бросив своего хозяина.

«Вот-вот, – прошипел у него в голове Внутренний Ворчун, – даже твоя тень знает, что это плохая затея!»

Проехала машина. Её фары на мгновение ослепили Макса, а все тени во дворе вдруг ожили. Они вытянулись, метнулись в стороны, заплясали. Тень от качелей превратилась

лась в огромные челюсти, которые щёлкнули в воздухе. Тень от куста сирени стала похожа на притаившегося волка, готового к прыжку. Этот волк был соткан из его страхов. Из страха увидеть разочарование в глазах мамы. Из страха, что папа скажет своё твёрдое «нет». Из страха, что они начнут задавать вопросы, на которые у него не было ответов.

Макс ускорил шаг. Следующий фонарь. Новый островок безопасности. Он перевёл дух. До двери его подъезда оставалось всего несколько метров, но они были самыми тёмными. Фонарь над входом почему-то не горел. Дверь была похожа на чёрную, беззубую пасть пещеры.

Ветер пронёсся по двору, зашелестев сухими листьями. Этот шелест был похож на шёпот.

«Ничего-о-о не вы-ы-идет... Ничего-о-о не изменится-а-а...»

Макс замер. Он почти поверил этому шёпоту, почти развернулся, чтобы убежать обратно, на свет, и забыть про эту дурацкую затею.

Тут он вспомнил одинокого космонавта на своей планетке. Вспомнил героев из книг, которые никогда не сдавались перед входом в пещеру дракона.

Он глубоко вздохнул, зажмурился и шагнул в темноту. Один шаг. Второй. Третий. Его рука нащупала холодную металлическую ручку двери.

Он справился. Он прошёл «Двор теней».

Теперь остался последний уровень: «Лестница сомне-

ний».

Дверь подъезда захлопнулась за ним, и её громкое «КЛАЦ!» эхом разнеслось по лестничной клетке. Этот звук был похож на щелчок таймера, который начал обратный отсчёт.

Здесь, в подъезде, было тихо, но это была не та тишина, что в его комнате. Эта была гулкая, давящая тишина. Пахло чем-то старым: пылью, краской и немного – маминым супом из-за соседской двери. Тусклая лампочка под потолком мигала, то погружая лестницу во мрак, то снова выхватывая её из темноты.

Макс взялся за холодные, гладкие перила и поставил ногу на первую ступеньку.

Тут же его Внутренний Ворчун, который, казалось, затих на улице, снова проснулся.

«Ну вот, – зашептал он прямо в ухо. – Последний шанс передумать. Просто вернись в свою комнату. Будешь рисовать. Читать. И никто ничего не узнает. Всё будет как раньше. Спокойно».

Ноги вдруг стали тяжёлыми, словно к кедам привязали свинцовые гири. Каждый шаг наверх давался с трудом.

Первый пролёт. Мимо проплыла дверь квартиры номер семь. Она была похожа на закрытый глаз спящего великана. Макс старался ступать как можно тише, чтобы не разбудить его.

«А ты подумал, что они скажут? – не унимался Вор-

чун. – Они же будут смеяться. „Макс, какой другой город? Ты ещё маленький!“ Или начнут задавать вопросы. Сто тысяч вопросов. „А почему? А зачем? А что тебе здесь не нравится?“ И что ты им ответишь, а?»

Макс остановился на площадке между этажами. Он представил себе этот разговор. Он стоит, мнётся, не может связать и двух слов. А мама и папа смотрят на него с недоумением. Ему стало жарко.

Второй пролёт. Ноги стали ещё тяжелее.

«А о маме ты подумал? – голос Ворчуна стал вкрадчивым и очень неприятным. – Она же будет волноваться. Целый месяц! Она не будет спать по ночам, будет думать, как ты там один. Ты хочешь её расстроить?»

Этот удар был самым сильным. Макс замер, держась за перила. Он представил мамино грустное лицо. Он не хотел, чтобы она грустила. Может, Ворчун прав? Может, это и правда эгоистичная, глупая затея?

«И папа, – добивал Ворчун. – Он подумает, что тебе с ними плохо. Что ты хочешь от них сбежать. Ты их обоих обидишь. Оно того стоит?»

Вот он. Третий этаж. Его дверь. Такая знакомая, с той же царапиной внизу, где он когда-то чиркнул велосипедом, но сейчас она выглядела как огромные ворота в замок главного босса, а за ними – самое страшное.

Макс стоял перед дверью и не мог пошевелиться. Отступить. Вот что нужно сделать. Спуститься вниз, снова вый-

ти на улицу, походить ещё часок и вернуться, как ни в чём не бывало. Сказать, что просто гулял. И его маленький уголёк надежды просто... погаснет. И всё.

Он почти развернулся, но в этот момент он почему-то вспомнил не плакат и не книги. Он вспомнил свой рисунок. Маленького, одинокого человечка в скафандре на крошечной планете. Вспомнил, как холодно и пусто было в том космосе, который он нарисовал.

Он понял: обидеть родителей – это было очень страшно, но остаться в этом холодном, одиноком космосе навсегда – было ещё страшнее.

Макс медленно, словно в замедленной съёмке, поднял руку. Пальцы дрожали. Сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно за дверью. Его палец завис в миллиметре от кнопки звонка.

Весь мир замер в ожидании.

Палец Макса дрожал в миллиметре от белой пластиковой кнопки звонка. Он уже почти нажал. Он представил, как раздастся трель, как за дверью послышатся шаги, как щёлкнет замок...

В этот самый момент из-за двери донёсся мамин смех.

Он был таким знакомым, таким тёплым и беззаботным. Мама смеялась над чем-то, что, наверное, сказал папа. Потом он услышал и папин голос, приглушённый, – он что-то бубнил, скорее всего, комментируя фильм по телевизору.

Они были там, в своём уютном, вечернем мире, где всё

было хорошо, где всё было нормально.

В этот миг Макс очень ясно представил, что будет дальше. Он нажмёт на кнопку. Мама откроет дверь, улыбнётся ему, а потом спросит, почему у него такое странное лицо. И ему придётся начать этот разговор, и её улыбка исчезнет, в глазах появится тревога, а он больше всего на свете не хотел стирать эту улыбку.

«Смотри, – прошипел его Внутренний Ворчун, нанося последний, самый точный удар. – Они счастливы. А ты сейчас войдёшь и всё испортишь. Принесёшь им свои проблемы. Заставишь их волноваться. Просто ради своей глупой мечты. Разве это честно?»

Всё внезапно оборвалось, словно кто-то выключил невидимый рубильник у него внутри. Вся его накопленная за вечер смелость, вся его решимость – всё это утекло куда-то вниз, в стоптанные кеды. Рука, которая только что казалась рукой героя, готового сразиться с драконом, вдруг стала тяжёлой и безвольной. Она просто упала и бессильно повисла вдоль тела.

Палец так и не коснулся кнопки.

Вместо этого он, стараясь производить как можно меньше шума, вытащил из кармана свой ключ. Это был ключ от старого, привычного мира. Ключ для «тихого Макса», а не для героя-путешественника. Он вставил его в замочную скважину. Тихий щелчок. Дверь поддалась.

Он проскользнул в квартиру, как мышонок.

— Макс, это ты? — донеслось из комнаты. — Руки мой и ужимать.

— Ага, — тихо ответил он, и его голос показался ему чужим. Он быстро прошмыгнул в свою комнату и закрыл дверь. Тут его крепость, его капитанский мостик. Но сегодня здесь не было уютно. Сегодня его комната казалась ему тюрьмой, из которой он только что провалил побег.

Плакат с Юпитером на стене, казалось, насмехался над ним. *«Эх ты, какой из тебя исследователь космоса? Ты даже кнопку звонка нажать боишься»*. Модель ракеты на полке молчаливо укоряла его.

Он сел на кровать и достал телефон. На экране всё так же светился ярко-жёлтый плакат. **«ХОЧЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ?»**.

Хотел, но не смог.

Макс почувствовал, как к горлу подкатил горячий, колющий комок. Он был не просто расстроен. Он был на себя ужасно зол. Герои в книгах никогда бы так не поступили. Они бы не испугались. Они бы вошли и всё сказали, а он не герой, он просто Макс.

Он выключил телефон. Маленький, светящийся уголёк надежды, который он носил с собой весь вечер, превратился в горстку серого, холодного пепла.

Следующее утро было серым.

Наверное, за окном и светило солнце, но Макс его не видел. Для него весь мир словно выцвел за ночь, как старая

фотография. Его комната, обычно уютная, казалась просто коробкой с вещами. Плакат с Юпитером – просто картинкой. Рюкзак – просто тяжёлой ношей.

Вчера он был героем, который готовился к главному квесту. Сегодня утром, глядя на своё отражение в зеркале, он снова увидел просто Макса. И это было хуже, чем когда-либо. Потому что теперь он знал, что мог быть кем-то другим, но испугался.

В школе было невыносимо.

Раньше он был человеком-невидимкой, и это было его защитой. Сегодня он чувствовал себя человеком-стеклянным. Ему казалось, что все видят его насквозь, его вчерашний провал, его страх, его разочарование в самом себе. Конечно, никто на него не смотрел. Всё было как обычно, но ощущение было именно таким.

На уроке математики он сидел за своей последней партой, на своём «необитаемом острове», но если раньше это был остров-убежище, то сегодня он стал островом-тюрьмой. Он смотрел на спины одноклассников и видел не просто ребят. Он видел, как они перешёптываются, передают друг другу записки, улыбаются через проход. Они все были связаны друг с другом невидимыми ниточками. И только его остров был оторван от этого весёлого, живого архипелага.

Самое трудное время, как всегда, – большая перемена на обед.

Школьная столовая гудела, как огромный вокзал. Сотни

голосов, смех, звон вилок, грохот подносов. Макс, взяв свой пакетик с бутербродом, который утром собрала мама, стал искать место. Он был похож на маленького робота, у которого в программе заложен только один маршрут.

Он прошёл мимо стола, где сидели футболисты. Они громко обсуждали вчерашний матч. Прошёл мимо стола, где хихикала компания Ани и Лены. Прошёл мимо всех этих оживлённых, шумных «планет». Его целью был самый дальний столик в углу, у самого окна. «Стол Потерянных Кораблей». Обычно за ним никто не сидел.

Он сел, положил перед собой свой бутерброд и медленно его развернул. Это был его ритуал. Нужно было делать всё очень медленно, чтобы занять как можно больше времени. Откусить ма-а-аленький кусочек. Жевать его до-о-олго. Посмотреть в окно. Снова откусить. Так можно было протянуть почти всю перемену, делая вид, что ты очень занят важным делом – едой. Главное – не поднимать глаза, потому что если поднять, можно было увидеть, что ты – единственный, кто сидит за столом один.

В этот момент он, сам не зная зачем, достал из кармана телефон. Руки сами нажали на кнопку. Экран вспыхнул. «ХОЧЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ?».

Вчера эти слова были волшебным заклинанием. Сегодня они были как соль, которую сыпят на рану.

«Хотел, – подумал он с такой горечью, что во рту стало кисло. – Но я трус. Герои так не поступают».

Он почувствовал, как к глазам подступают злые, колючие слёзы. Он быстро выключил экран и сунул телефон в самый дальний отсек рюкзака, с глаз долой, чтобы не видеть, не вспоминать.

Последний звонок прозвенел не как сигнал к освобождению, а как напоминание, что нужно идти домой. Туда, где он вчера провалил своё главное испытание.

Он медленно брёл к выходу. Сегодня он даже не пытался уворачиваться. Его пару раз толкнули, и он даже не вздрогнул. Какая разница.

Выйдя из школы, он остановился на развилке. Одна дорога вела направо – к его дому, привычная, знакомая, безопасная и невыносимо тоскливая. Другая – налево.

Макс стоял на этом перепутье. Он не мог идти домой. Ещё не мог. Он не хотел видеть сочувствие или вопросы в глазах родителей. Он хотел просто... исчезнуть, хотя бы на часок.

Не раздумывая больше ни секунды, он повернул налево. Туда, где за густыми, старыми деревьями начинался почти заброшенный край городского парка.

Глава 2: Сердце холма

Тот край парка, куда свернул Макс, был похож на тайную, забытую всеми страну, как будто кто-то провёл невидимую черту, за которой заканчивался обычный шумный мир и начиналось что-то совсем другое.

Макс шёл, и под его кедами шуршали прошлогодние листья. Здесь не было ровных, подметённых дорожек, как в той, «парадной» части парка. Старый асфальт почти полностью сдался – его проломила, подняла и «съела» высокая, упрямая трава, которая росла, где ей вздумается. Воздух был другим: он пах не сладкой ватой и духами прохожих, а чем-то настоящим – влажной землёй после вчерашнего дождя, прелыми листьями и старым деревом.

«*Хорошо тут*», – подумал Макс.

Эта мысль была простой и неожиданной. Он не пытался себя развеселить или найти что-то интересное. Ему просто было *хорошо*. Здесь было необычайно тихо.

Он забрёл ещё глубже. Впереди, как скелеты доисторических животных, стояли остатки детской площадки. Качели, с которых давно облезла вся весёлая краска, висели на ржавых цепях. Когда налетал ветер, они тихо-тихо поскрипывали: «Скри-и-ип... скри-и-ип...». Макс остановился и прислушался. Этот звук был похож на жалобный шёпот.

«*Они тоже одни*», – подумал он. От этой мысли ему

не стало грустнее. Наоборот, он почувствовал с этими старыми качелями какое-то родство.

Деревянная горка, с которой, наверное, ещё его папа мог кататься в детстве, вся позеленела от мягкого, бархатного мха. Она была похожа на спину огромного, спящего лесного зверя: сказочного, доброго, который просто устал и решил прилечь отдохнуть на пару сотен лет.

Любой другой ребёнок, наверное, посчитал бы это место скучным или даже страшным. Аня и Лена сказали бы, что здесь грязно, Артём со своими друзьями просто не заметили бы его, промчавшись мимо на велосипедах, но для Макса это место было идеальным.

Здесь не нужно было быть весёлым, не нужно было улыбаться. Здесь никто не ждал от него никаких слов. Ржавые качели, казалось, понимали его молчание лучше, чем кто-либо из его шумных одноклассников. Этот заброшенный, забытый уголок был таким же одиноким, как и он сам, и поэтому, впервые за весь этот серый день, Макс почувствовал себя... на своём месте.

Он нашёл небольшой, покатый холмик в самом сердце этого заросшего уголка. Деревья над ним стояли так плотно, что их ветви сплетались в зелёный, сумрачный купол. Солнечные лучи пробивались сквозь него лишь тонкими, дрожащими ниточками. Это место было похоже на волшебный шатёр.

Макс плюхнулся прямо на мягкий мох. Рюкзак, который

он до этого нёс как тяжёлый мешок с камнями – камнями вины и разочарования, – просто сбросил рядом. Он упал на землю с глухим стуком, и Макс почувствовал, как его плечи стали чуточку легче. Это была его новая секретная база – крепость одиночества, где его никто не найдёт.

Он сидел, обняв колени, и смотрел на игру света и тени на траве. Внутри была такая же тишина, как и вокруг, только не спокойная, а пустая, как будто из него вынули все батарейки, и теперь там, внутри, не осталось ни радости, ни грусти, ни страха – ничего, просто серая, пыльная пустота.

«И что теперь?» – спросил он сам себя, но ответа не последовало. Он сидел молча, погружённый в собственные мысли и ему было хорошо и спокойно.

Время в этой заброшенной части парка, казалось, остановилось, или, может, оно просто текло очень-очень медленно, как густой мёд. Макс сидел на своём мшистом холме, ничем не занимаясь.

Птица, которую он не знал, села на ветку прямо над ним и запела короткую, простую песенку. Ветер прошёлся по верхушкам деревьев, и они ответили ему тихим, сонным шелестом. Жук, деловито перебирая лапками, прополз по его кеду, словно это была не обувь, а просто странная белая гора. Макс даже не пошевелился.

«Тут как будто всё живое», – подумал он.

Не так, как в городе, где всё гудит, спешит и толкается, а по-другому: спокойно, казалось, что он слышит, как дышит

сама земля. Этот запах влажной почвы, этот шелест листьев, этот скрип старых качелей – всё это было её медленным, глухим дыханием.

Чтобы хоть чем-то занять руки, он начал ковырять носком кеда землю у подножия холмика, просто так без какой-либо цели. Сначала он счистил слой сухих, прошлогодних листьев, потом – маленькие веточки и сухую траву. Обнажилась тёмная, влажная земля. Он продолжил ковырять, разрывая её, делая небольшую ямку.

«Интересно, что там, внутри? – лениво подумал Макс. – Может, там живут гномы? Или это вход в подземное королевство кротов?»

Он улыбнулся своим мыслям. Это была первая, слабая тень улыбки за весь день.

Его кед наткнулся на что-то твёрдое.

«Корень», – решил он и хотел уже переставить ногу, но он почему-то не переставил. Звук был не таким, как от удара по корню: не глухой «стук», а какой-то странный, короткий «дзынь!» – звонкий, словно он стукнулся не по дереву, а по чему-то... стеклянному или металлическому?

Любопытство, слабое, как далёкий огонёк, шевельнулось внутри. Макс наклонился и разгрёб рыхлую землю руками. Из тёмной почвы торчал крошечный, гладкий краешек чего-то непонятного.

Он опустил на колени, забыв про всё на свете, он начал копать. Земля была мягкой и прохладной, она приятно хо-

лодила пальцы. Он разрыл ямку поглубже, и его пальцы нащупали что-то округлое, странной формы. Оно было гладкое и холодное.

Макс подцепил свою находку ногтями и осторожно, словно это было сокровище, вытащил её на свет.

Сначала его ждало разочарование. Это был просто камень немного странной формы, похожий на большое сливовое семечко, и весь перепачканный в липкой, чёрной земле.

«Ну конечно, – вздохнул он. – Какие ещё чудеса. Просто камень».

Он уже хотел было выбросить его, но что-то его остановило. Камень был необычно гладким и почему-то... тёплым. Может ему показалось?

Он решил очистить его: вытер о штанину своих джинсов. Один раз. Второй. Чёрная земля смазалась, но не отщёрлась. Тогда он сделал то, что сделала бы его мама, – он просто подышал на него тёплым воздухом и принялся тереть с новой силой.

Когда Макс стёр последний налипший комочек земли, он увидел, что держит в руке что-то невероятное. Это был гладкий, тёмный кристалл, по форме похожий на большую сливовую косточку. Он был не чёрным, а скорее тёмно-тёмно-фиолетовым, как небо в самые последние минуты заката.

Свет, который пробивался сквозь зелёный купол деревьев, падал на кристалл и не просто отражал его, он, казалось, *впитывал* его в себя. Внутри кристалла, в самой его

глубине, вспыхивали и гасли крошечные, как пылинки, искорки: то красные, то синие, то зелёные, словно внутри был заперт крошечный фейерверк.

Макс затаил дыхание.

«*Стекляшка*», – попытался сказать себе он, но он в жизни не видел таких стекляшек.

Он поднёс кристалл ближе к глазам. Он был идеально гладким, отполированным, будто его тысячи лет обтачивали морские волны, и ещё... он был тёплым, не просто нагрелся от его руки, а был по-настоящему тёплым, как маленький, живой зверёк.

Макс зажал его в кулаке. Он почувствовал... что-то странное: лёгкую, едва уловимую вибрацию. Это было похоже не на дрожь, а на... биение, очень-очень медленное, как у огромного, спящего существа. Тук... пауза... тук... пауза...

«*Сердце?*» – пронеслось у него в голове, и от этой мысли по спине пробежали мурашки.

Он разжал ладонь. На вид – просто красивый, необычный камень. Он снова зажал его и снова почувствовал слабое, ритмичное «тук... тук...».

Это было невероятно и немного страшно.

Он сидел на коленях посреди своего заброшенного парка, держал в руке быющийся камень и не знал, что делать. Часть его, та, что была похожа на Внутреннего Ворчуна, говорила, что это всё ерунда, что это просто пульсирует его соб-

ственная кровь в пальцах, а тепло – от его же ладони. Другая часть, та, что была похожа на Голос Приключений, шептала совсем другое. Она шептала, что это – настоящая магия, что он нашёл не просто камень, а сокровище, что-то, что не должно было здесь лежать, что-то, что, возможно... ждало именно его.

Что это? Амулет? Осколок упавшей звезды? Сердце спящего лесного зверя, на спине которого он сидел? Он не знал, но он точно знал, что никому об этом не расскажет. Это будет его новая, самая главная тайна. Он аккуратно, словно это было самое хрупкое сокровище в мире, положил кристалл в карман своих джинсов, в тот самый карман, где ещё вчера лежал телефон с фотографией плаката.

Холодный пепел вчерашней надежды, казалось, немного потеплел от этого странного, бьющегося в ладони чуда.

Макс всё так же сидел на коленях, но теперь уже не от пустоты, а от изумления. Его рука снова и снова опускалась в карман, просто чтобы убедиться – кристалл на месте. Пальцы касались его гладкой, тёплой поверхности, и он снова чувствовал это слабое, уверенное биение. Тук... тук...

Это было наяву, ему показалось, и как только он окончательно в это поверил, мир вокруг, казалось, изменился. Нет, ничего не вспыхнуло волшебным светом, из-под земли не выросли говорящие грибы. Всё осталось прежним: те же старые деревья, те же ржавые качели, та же тишина, но она стала другой. Раньше это была просто тишина: отсутствие

звуков, а теперь Макс начал... *слышать* её.

Ветер, который до этого просто шумел в листве, теперь, казалось, что-то шепчет, не слова, а просто... «ш-ш-ш... ф-ф-ф...», словно старое дерево делится с ним какой-то своей древней историей.

Скрип качелей: «скри-и-ип... скри-и-ип...», который раньше был просто скрип, теперь был похож на усталый, грустный вздох чего-то очень одинокого.

Макс повернул голову. Его взгляд упал на корни огромного дуба, которые, как толстые змеи, вылезали из-под земли рядом с его холмиком. Он смотрел на их переплетения, на тёмную кору, покрытую мхом, и ему вдруг показалось... что он слышит что-то ещё. Это был не звук, а что-то, что он чувствовал скорее всем телом, чем ушами: очень низкий, глубокий гул, идущий будто из-под самой земли, как будто там, внизу, под корнями всех этих деревьев, билось одно огромное, общее сердце.

«*Дыхание земли...*» – вспомнил он свою мысль. Только теперь это было не просто красивое слово. Он *чувствовал* это дыхание. Ему стало немного не по себе.

Этот заброшенный парк, который казался ему таким безопасным и «своим», вдруг оказался... по-настоящему живым, и эта жизнь, древняя и непонятная, казалось, заметила его, что он здесь, что он нашёл что-то, что принадлежало ей.

Из глубины парка донёсся хруст ветки. Макс вздрогнул. Сердце заколотилось уже по-настоящему, быстро-быстро.

Он резко повернул голову. Никого. Просто птица вспорхнула с ветки, но ощущение, что за ним наблюдают, не проходило, и наблюдает не человек, а сам этот старый, заросший парк, деревья, корни, тени.

Он вдруг почувствовал себя очень маленьким мальчиком, который залез в пещеру спящего дракона и случайно забрал одну золотую чешуйку из его шкуры, и, кажется, дракон начал просыпаться.

Становилось жутко. Пора было уходить.

Солнце, которое и так едва пробивалось сквозь густые кроны, начало садиться. Тени под деревьями стали длиннее, темнее, гуще. Если раньше этот зелёный шатёр казался уютным, то теперь он стал похож на ловушку.

Макс снова слышал хруст, потом ещё один. Он крутил головой, но никого не видел. Звуки были повсюду и нигде одновременно. Ему казалось, что это не просто ветки, а чьи-то шаги, медленные, тяжёлые, нечеловеческие.

«Это просто ветер», – сказал он сам себе шёпотом, но голос дрожал.

Тёплый кристалл в кармане, который до этого успокаивал, теперь, наоборот, тревожил. Его медленное «тук... тук...» словно было сигналом, маячком, который привлекал к Максy внимание всех этих невидимых лесных существ.

«Он нашёл. Он здесь. Он у него», – казалось, шептали листья.

«Верни-и-и... верни-и-и...» – казалось, скрипели старые ка-

чели.

Максу стало по-настоящему страшно. Страх был холодным и липким, он поднимался от пяток вверх по спине, заставляя волосы на затылке шевелиться. Это было не похоже на его обычные страхи – страх насмешек или страх разговора. Это был древний, первобытный страх, страх перед темнотой, перед неизвестностью, перед чем-то, что гораздо больше и старше тебя.

Он больше не мог здесь оставаться.

В один миг он вскочил на ноги. Быстро, почти не глядя, схватил свой рюкзак. Заброшенная база, которая казалась такой безопасной, превратилась во враждебную территорию. Он мчался сломя голову, не разбирая дороги, просто бежал туда, где было светлее, перепрыгивая через толстые корни-змеи, уворачиваясь от низких веток, которые, казалось, пытались схватить его за капюшон. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Он не оглядывался. Он боялся увидеть, что кто-то – или *что-то* – бежит за ним. Ему казалось, что деревья тянут к нему свои ветки-руки, что земля под ногами пытается запутать его, подставить подножку.

Наконец он вырвался из-под густого навеса деревьев на открытую, ещё освещённую вечерним солнцем аллею, где вдалеке виднелись фигуры людей.

Он резко остановился, тяжело дыша, обернулся. За его спиной был всё тот же тихий, заросший уголок парка, никаких чудовищ, никаких преследователей, просто деревья, ко-

которые мирно качались на ветру.

Макс чувствовал, что ему всё это не показалось. Он поправил рюкзак на плечах и быстрым шагом, почти не переходя на бег, пошёл прочь, подальше от этого места. Он больше не хотел быть героем или исследователем. Он хотел одного – поскорее вернуться домой, в свою комнату, к своим привычным, понятным стенам.

В его кармане лежало странное, непонятное, пугающее чудо, которое теперь продолжало тихо биться.

Тук... тук...

Дорога домой завершилась спокойно и без происшествий. Дверь квартиры резко закрылась за ним, издав характерный щелчок, эхом отразившийся в коридоре. Вчера этот звук означал провал, сегодня – спасение.

Макс прислонился спиной к холодной двери, пытаясь отдышаться. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле.

– Макс, ты чего так поздно? – донёсся из кухни мамин голос.

– Гулял, – выдохнул он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он быстро, стараясь ни с кем не встретиться, проскользнул в свою комнату: свою крепость, свою безопасную базу. Он бросил рюкзак, сел на кровать и только тогда позволил себе выдохнуть.

Здесь всё было как обычно: плакат с Юпитером, модель ракеты, стопка комиксов. Никаких шепчущих деревьев и живых теней. Здесь всё было под контролем.

Он медленно, с опаской, словно в кармане у него сидела ядовитая лягушка, засунул руку в карман джинсов. Пальцы коснулись гладкой, тёплой поверхности. Он вытащил кристалл. Здесь, в свете его настольной лампы, он выглядел по-другому: не так зловеще, как в сумерках парка. Он был всё таким же тёмно-фиолетовым, и внутри него всё так же вспыхивали крошечные искорки.

Макс зажал его в кулаке. Тук... тук... Биение никуда не делось.

Он сидел и смотрел на свою находку, и в голове у него крутился целый рой вопросов. Они жужжали, как пчёлы, и мешали друг другу.

Что это такое? Откуда оно взялось в парке? Почему оно лежало именно там, на том холмике? Почему оно тёплое? И почему оно... бьётся? Это какая-то очень сложная игрушка, которую кто-то потерял? Или это что-то... настоящее? Как в его книгах про магию? А этот шёпот в парке... Ему показалось? Или он и правда начал слышать то, чего не слышал раньше? Может, он просто так сильно испугался, что всё это себе напридумывал?

Макс лёг на кровать, положив кристалл себе на грудь. Он лежал на его футболке, и Макс всё равно чувствовал слабое тепло и это медленное «тук... тук...». Оно было спокойным, убаюкивающим. Здесь, в его комнате, оно совсем не пугало.

«Тайна...» – подумал он.

Это была его личная, настоящая тайна. Гораздо более

важная, чем дневник с рисунками. Он был единственным в целом мире, кто знал про этот бьющийся камень.

Страх понемногу отступал, уступая место другому чувству: любопытству, тому самому, которое заставило его раскопать этот камень.

Ему ужасно хотелось узнать, что это такое. Что этот кристалл умеет делать? Зачем он нужен?

Он лежал, смотрел в потолок, а в кармане его джинсов, брошенных на стул, лежал артефакт, который уже изменил его мир, и теперь Макс предстояло решить, что делать с этой тайной дальше: спрятать и забыть или попытаться её разгадать?

Его рука снова потянулась к кристаллу. Он взял его в ладонь. Он решил, что попытается разгадать тайну.

Ночь накрыла город своим тёмным, бархатным одеялом.

Макс лежал в своей кровати, но не спал. Он уже сто раз перевернулся с боку на бок. Сон никак не шёл. Обычно он засыпал быстро, устав от шумного школьного дня, но сегодня всё было по-другому: в голове крутились события в парке, шепот деревьев, пугающие тени и, конечно, кристалл.

Он лежал на его прикроватной тумбочке, рядом с лампой. Макс положил его туда, решив, что так будет безопаснее, но даже на расстоянии он, казалось, чувствовал его присутствие, словно в комнате был кто-то ещё, тихий, загадочный, невидимый.

В какой-то момент Макс не выдержал. Он сел на кроватку.

ти, протянул руку и взял кристалл. В темноте он казался ещё теплее. Макс зажал его в ладони. Знакомое, медленное «тук... тук...» немного успокоило его.

Он лежал, перекатывая гладкий камень в руке, и смотрел в окно.

Шторы он сегодня специально не задёрнул. На небе ярко сияла почти полная луна. Её холодный, серебряный свет падал в комнату, рисуя на полу длинный светлый прямоугольник.

Макс, сам не зная зачем, вытянул руку с зажатым в ней кристаллом прямо в этот лунный луч, просто так, словно показывая свою находку луне.

В этот момент произошло чудо: кристалл, который до этого был тёмно-фиолетовым, почти чёрным, вдруг... начал светиться.

Это было неяркое, резкое свечение, как от фонарика. Он засветился изнутри: мягким, глубоким, сиреневым светом, таким же, как небо в парке в тот вечер. Свет был нежным, и он не резал глаза, а наоборот, успокаивал.

Макс ахнул и сел на кровати, выставив ладонь перед собой.

Это было невероятно красиво. Маленькие искорки внутри, которые он видел днём, теперь не просто вспыхивали, а кружились в медленном, волшебном танце, похожем на метель из крошечных звёздочек.

Он убрал руку из лунного света. Свечение кристалла

тут же стало угасать, и через пару секунд он снова стал просто тёмным, тёплым камнем.

Макс снова выставил его под лунный свет, и кристалл снова ожил, наполнившись мягким, сиреневым сиянием.

«Лунный ключ...» – прошептал Макс.

Ему показалось, что он нашёл ключ к своей тайне. Лунный свет был как ключик, который открывал в этом камне потайную дверцу.

Он лежал, замороженный, и то прятал кристалл в тень, то снова подставлял его под лунный свет: светится, гаснет, светится, гаснет. Это было похоже на игру, на его личный, секретный диалог с этим волшебным предметом.

Страх, который преследовал его из парка, окончательно исчез. Его место заняло что-то другое: чистый, детский восторг, какой бывает, когда впервые видишь фокусника, который достаёт кролика из пустой шляпы.

Только это был не фокус. Это была его собственная, ручная магия. Эта магия, светящаяся мягким, сиреневым светом в его руке, была ответом на все его вопросы. Да, всё, что было в парке, – было правдой.

Макс сидел на кровати, поджав под себя ноги, и не мог оторвать взгляд от светящегося кристалла в своей руке. Лунный свет, словно волшебная река, втекал в него, и камень отвечал тихим, сиреневым сиянием.

Это было его личное, маленькое чудо.

Он сидел так долго, что перестал замечать время,

и в какой-то момент он начал чувствовать... изменения, но не в кристалле, а в своей комнате.

Всё вокруг оставалось прежним: та же кровать, тот же стол, тот же шкаф, но *ощущение* от них стало другим.

Раньше его комната была просто комнатой, его безопасной крепостью, а сейчас, в мягком свете этого волшебного камня, она, казалось, тоже... проснулась.

Тишина в комнате перестала быть пустой. Она стала... плотной, бархатной, как будто воздух загустел и наполнился чем-то невидимым, но очень спокойным.

Макс посмотрел на плакат с Юпитером на стене. Обычно это была просто красивая картинка, а сейчас, в этом странном, мягком свете, ему казалось, что он видит, как медленно, величественно плывут по своим орбитам его нарисованные спутники.

Его взгляд скользнул к модели ракеты на полке. Её острый нос, нацеленный в потолок, казалось, дрожал от нетерпения, готовый в любую секунду сорваться и улететь к настоящим звёздам.

Даже тени в углах изменились. Днём, после провала, они казались ему тюремными решётками, а сейчас они были мягкими, глубокими, и в них не было ничего страшного. Они были похожи на уютные норки, в которых спят сказочные существа.

«Что происходит?» – подумал Макс.

У него было такое чувство, будто он всю жизнь смотрел

на мир через грязное, пыльное стекло, а сейчас кто-то подошёл и протёр его чистой тряпочкой. Цвета стали глубже, вещи – объёмнее, тишина – живее.

Кристалл в его руке не просто светился. Он менял всё вокруг. Он не создавал ничего нового, он просто... пробуждал тишину, пробуждал вещи, пробуждал мир.

Он показывал Макс, что даже в самой обычной комнате, в самых привычных вещах спрятано волшебство. Нужно было просто найти правильный ключ, чтобы его увидеть, и этот ключ – маленький, тёплый, бьющийся кристалл – сейчас лежал у него на ладони.

Макс сидел посреди своей проснувшейся, волшебной комнаты, и внутри него росло новое, незнакомое чувство.

Это был не страх, как в парке, и не восторг, как в первую минуту, когда кристалл засветился. Это было что-то другое, сильное, настойчивое, почти нетерпеливое. Это был зов неизведанного.

Он смотрел на кристалл в своей руке, и миллион вопросов, которые до этого пугливо жужжали в голове, теперь выстроились в очередь, требуя ответа.

«Что ты такое? Что ты умеешь? Почему ты выбрал меня?»

Ему вдруг отчаянно, до дрожи в коленках, захотелось узнать всё. Не просто сидеть и любоваться, как он светится, а понять, разгадать его тайну.

Он вспомнил героев из своих любимых книг. Когда они

находили древний артефакт, они не прятали его в сундук, они отправлялись в библиотеку, они искали старые карты, они расспрашивали мудрецов, они действовали!

«*Но я же не герой*», – привычно шепнул Внутренний Ворчун.

«*А почему нет?*» – вдруг громко и уверенно ответил ему другой голос – Голос Приключений.

Макс посмотрел на свою руку. На ладони лежал настоящий магический кристалл. Он светился. Он бился. Он менял мир вокруг. Какие ещё нужны были доказательства?

Всё, что было до этого – школа, одиночество, невидимость, – вдруг показалось таким далёким и неважным, как будто это было в какой-то другой, прошлой жизни, а это – его новая жизнь и в ней есть тайна.

Вчерашний провал, когда он не смог нажать на кнопку звонка, больше не казался таким уж страшным. Тот квест был ему не по силам. Он был про разговоры, про других людей. Этот же квест – был его. Он был про магию, про тайны, про исследование, и здесь, в своей комнате, один на один с этим артефактом, он не чувствовал себя слабым или испуганным. Он чувствовал себя... на своём месте. Он больше не хотел прятаться. Он хотел искать.

Макс встал с кровати и подошёл к окну. Луна всё так же ярко сияла в небе. Он посмотрел на неё, потом на кристалл в руке.

«*Я узнаю, что ты такое*», – беззвучно пообещал он то ли

камню, то ли луне, то ли самому себе.

Завтра он начнёт действовать. Он пойдёт в библиотеку, будет искать в интернете. Он вернётся в тот парк, но уже не как испуганный мальчик, а как исследователь.

В его животе снова запорхали бабочки, но теперь среди них не было ни одной тёмной и колючей, только золотистые, щекочущие, полные предвкушения.

Его приключение только что начиналось по-настоящему.

Ночь медленно уступала место утру. Луна побледнела, а небо на востоке начало светлеть, окрашиваясь в нежно-розовые тона.

Макс так и не ложился спать.

Он сидел за своим столом, а перед ним, на раскрытой странице учебника по истории, лежал его кристалл. Лунный свет почти иссяк, и камень перестал светиться. Он снова стал просто тёмным, гладким, но Макс всё равно чувствовал его тепло и тихое биение.

Он не был уставшим. Наоборот, он чувствовал себя так, будто выпил какой-то волшебный, бодрящий напиток. Всю ночь он строил планы. Его тетрадь, та, что была дневником одиночества, лежала рядом, но сегодня на её страницах не было одиноких космонавтов.

Сегодня там был план.

«1. Библиотека. Книги про минералы? Древние легенды?» – коряво написал он.

«2. Интернет. „Бьющийся камень“, „светящийся в лунном

свете кристалл“».

«3. Парк. Осмотреть место находки ещё раз. Днём!»

Это были первые, робкие шаги, но это были шаги.

Он посмотрел на свой вчерашний рисунок, на котором был изображён мальчик, одиноко сидящий на своей планетке, и ему вдруг стало его немного жаль. Тот мальчик был таким потерянным. Он просто сидел и ждал, сам не зная чего, а Макс больше не хотел ждать.

Кристалл, лежащий перед ним, был похож на семечко, из которого может вырасти что-то огромное и невероятное, а может и не вырасти, если его просто оставить лежать. Ещё он был похож на клубок ниток. Сейчас он видел только самый кончик – эту свою находку, но он чувствовал, что если потянуть за эту ниточку, клубок начнёт разматываться, открывая всё новые и новые тайны.

Это была первая нить его собственной, настоящей судьбы: не той, где он – тихий, незаметный мальчик, а другой, той, где он – исследователь, хранитель тайны.

Макс осторожно взял кристалл в руку. Он посмотрел в окно, на рождающийся новый день.

Вчера утром его мир был серым и пустым. Сегодня, с этим тёплым, бьющимся чудом в ладони, он был полон загадок, тайн и обещаний.

Да, ему всё ещё было немного страшно, но его любопытство, его новый, неудержимый зов неизведанного был гораздо сильнее.

Он спрятал кристалл в надёжное место, взял свой рюкзак, который сегодня почему-то не казался таким уж тяжёлым, и пошёл навстречу новому дню.

Тупик, в котором он, казалось, застрял, исчез. Перед ним появилась дорога, и он был готов сделать по ней первый шаг.

Глава 3: Нечаянный друг

План выглядел превосходно, но в реальности всё оказалось сложнее.

После школы Макс, как и решил, отправился в библиотеку. Он был полон надежд, представлял, как найдёт пыльную, древнюю книгу, где на пожелтевших страницах будет нарисован точь-в-точь такой же кристалл.

Однако в секции «Минералы» были только скучные научные книги с фотографиями обычных камней, а в разделе «Мифы и легенды» не было ничего похожего на «бьющиеся камни». Он провёл в библиотеке два часа и ушёл ни с чем, только с гудящей головой.

Дома он сел за компьютер, но все его запросы вроде «фиолетовый кристалл бьётся как сердце» выдавали только ссылки на интернет-магазины с украшениями или на форумы, где обсуждали компьютерные игры.

Оставался последний пункт: тот самый парк, где был найден кристалл.

На следующий день, в субботу, он снова отправился туда, но на этот раз он не был испуганным мальчиком. Он был исследователем. Он даже взял с собой «набор для экспедиций»: папин старый компас, фонарик и лупу.

Днём заброшенная часть парка совсем не пугала. Она была тихой, зелёной и немного сонной. Макс без труда нашёл

свой холмик. Он опустился на колени и начал внимательно изучать место находки. Он просеивал землю сквозь пальцы, осматривал корни деревьев через лупу, но не нашёл больше ничего необычного.

Немного разочарованный, он сел на холм и достал из кармана кристалл.

На солнечном свете он был просто красивым тёмным камнем, не светился, не вибрировал так сильно, как ночью, но всё равно был тёплым.

Макс вздохнул. Его грандиозный план провалился по всем пунктам. Может, Внутренний Ворчун был прав? Может, это всё просто его фантазии?

Он откинулся на спину, положив кристалл себе на грудь, и стал смотреть на небо сквозь узор из листьев.

В этот момент он увидел невероятное.

Прямо перед его глазами, в воздухе, повисла крошечная, светящаяся точка. Она была похожа на искорку от бенгальского огня. Она сверкнула, пролетела пару сантиметров и... исчезла.

Макс моргнул. Показалось?

Нет. Вот ещё одна! Она появилась чуть левее, вспыхнула золотистым светом и снова растаяла в воздухе.

Макс сел. Вокруг него, прямо в воздухе, начали появляться и исчезать эти искорки: синие, зелёные, золотые. Они кружились, как будто танцевали какой-то свой, беззвучный танец.

Он посмотрел на кристалл, который лежал у него на груди. Камень начал вибрировать. «Тук... тук... тук...» – его биение стало чаще, сильнее, и с каждым ударом в воздухе рождалась новая искра.

Макс понял, что это кристалл. Это он их создаёт.

Искры начали кружиться всё быстрее. Они уже не просто танцевали, они собирались вместе, сливаясь в светящееся, дрожащее облачко размером с яблоко. Облачко становилось всё плотнее, ярче.

Макс замер, боясь пошевелиться.

Светящееся облако вдруг сжалось, вспыхнуло так ярко, что Максу пришлось зажмуриться, и... Когда он открыл глаза, на траве перед ним, в метре от его ног, сидело самое невероятное существо, какое он никогда не видел ни в одной книге.

Оно было маленьким, размером с котёнка. Тело его, казалось, было соткано из того самого мха, что рос на холме, – мягкое, зелёное, пушистое. У него были большие, любопытные глаза, похожие на два блестящих камушка, и длинные, как у зайца, уши, которые смешно подёргивались, улавливая каждый звук, а ещё у него был хвост: длинный, тонкий, с пушистой кисточкой на конце, как у белки.

Существо сидело на траве, моргало своими блестящими глазками и с любопытством смотрело на Макса.

Макс тоже смотрел на него. Он не мог пошевелиться. Он не мог поверить: из его кристалла, из искорок появи-

лось... *это*.

Существо сделало первый шаг, потом второй. Оно подбежало к ботинку Макса, понюхало его своим маленьким, влажным носиком и... чихнуло. Чих был громким и неожиданным, и от него в воздухе снова посыпались золотистые искорки.

– Ты... ты кто? – прошептал Макс.

Существо в ответ только фыркнуло и запрыгнуло ему на колено.

– Эй! – воскликнул Макс, когда оно пробежало по его ноге, запрыгнуло на плечо и принялось обнюхивать его ухо.

Вместо ответа существо издало странный звук. Это был не голос. Звук раздался прямо... в голове у Макса. Он был похож на шуршание сухих листьев и на звон маленьких колокольчиков одновременно.

«Сам ты „эй“! — прозвучал в его мыслях озорной, писклявый голосок. — Щекотно же!»

Макс замер. Он его... слышал? Не ушами, а... внутри?

Существо, словно прочитав его удивление, съехало с его плеча, сделало в воздухе смешной кувырок и приземлилось на рюкзак. Оно посмотрело на Макса, склонив голову набок.

«Ну и чего застыл, как статуя? — снова прозвенел голосок в его голове. — Я есть хочу! У тебя есть что-нибудь... блестящее?»

– Блестящее? – растерянно переспросил Макс вслух.

«Ага! Блестящее! Или шуршащее! Или... ну, на худой ко-

нец, сладкое!»

Этот маленький, пушистый комочек энергии не мог сидеть на месте. Он носился вокруг Макса кругами. Он гонялся за бабочками, пытался поймать их за крыло. Залез на дерево и бросал вниз шишки, целясь Макс в макушку.

– Перестань! – крикнул Макс, уворачиваясь от очередной шишки.

«Не перестану! — донеслось из его головы. — Это весело! Давай, бросай в меня тоже!»

Когда этот ураганчик нашёл папин компас и принялся катать его, как мячик, Макс не выдержал, он засмеялся: громко, от всей души, до слёз.

«О! Вот это уже лучше! — с довольным шуршанием прокомментировал голосок. — А то сидел тут, как старый пень».

– Я не пень, – сквозь смех ответил Макс. – Я Макс.

«Макс? Скучное имя. А я... — существо на секунду замерло, прислушиваясь к чему-то. — А у меня нет имени. Придумай!»

– Я уже придумал, – быстро сообразил Макс. – Ты всё время скачешь. Будешь Скип.

«Ски-и-ип... — смакуя, протянул голосок в его голове. — Звучит! Быстро! Мне нравится! Ну что, Макс-не-пень, играть будем? Или так и будешь сидеть?»

Скип, словно в подтверждение своих слов, подбежал к нему, ткнулся холодным носом в его ладонь и посмотрел

на него своими блестящими глазами. В его взгляде не было ни насмешки, ни жалости, только чистое, незамутнённое любопытство и ожидание игры.

Кристалл на груди Макса снова завибрировал. Его размеренное «тук-тук» было тёплым и спокойным.

Макс больше не был один на своей секретной базе, и этот нечаянный, говорящий у него в голове друг, казалось, был именно тем, чего ему так не хватало.

Солнце начало клониться к закату. Тени стали длиннее, а воздух – прохладнее. Макс и Скип наигрались в догонялки, «шишкобол» и прятки, в которых Скип постоянно жульничал, просто растворяясь в воздухе и появляясь за спиной у Макса.

Макс сидел, прислонившись к стволу дерева, и пытался отдышаться. Он никогда в жизни не бегал так много. Скип же, полный энергии, сидел у него на колене и теребил в лапках кристалл, который Макс снял с шеи.

«Тёпленький, — раздался в голове у Макса довольный голосок Скипа. — *И стучит. Тук-тук. Тук-тук. Это он меня сделал, да?*»

– Наверное, — ответил Макс, глядя на амулет. — Сначала появились искорки, а потом... ты.

«Искорки! Точно! Я люблю искорки! — Скип подпрыгнул. — *А ты можешь сделать ещё? Давай, сделай!*»

– Я? — удивился Макс. — Я не знаю, как. Оно само как-то...

«Само? Ничего не бывает само! — фыркнул Скип. — Ты

держал его? Держал. Ты думал о чём-то? Наверняка думал! Вспоминай!»

Макс задумался. О чём он думал в тот момент? Да ни о чём, вроде, просто лежал, смотрел на небо... и чувствовал себя очень-очень одиноким.

– Я... кажется, мне было грустно, – неуверенно сказал он.

«Грустно? Хм... — Скип почесал за ухом. — А сейчас тебе грустно?»

– Нет, – улыбнулся Макс. – Сейчас мне весело.

«Тогда попробуй „весело“! — скомандовал Скип. — Бери камень, думай о чём-нибудь очень весёлом и... ну, не знаю... пожелай чего-нибудь!»

Макс взял в руку кристалл. Он ощутил его знакомое тепло и биение. «Думай о весёлом», – пронеслось в голове. Он вспомнил, как Скип кубарем катился с холма, и снова хихикнул.

– И что желать? – спросил он.

«Что-нибудь простое! Вон, видишь, листик на ветке? — Скип указал тонкой лапкой на одинокий жёлтый листик, который висел на ветке прямо над ними. — Заставь его потанцевать!»

– Потанцевать?

«Ну да! Чтобы он закружился! Давай, пробуй!»

Макс почувствовал себя немного глупо. Он сжал в руке кристалл, изо всех сил сосредоточился на чувстве радости от их игры со Скипом и уставился на листик.

«Танцуй, – мысленно приказал он. – Пожалуйста, затаи-
цуй».

Ничего не произошло. Листик висел неподвижно.

«Эх ты, Макс-не-пень! — вздохнул голосок в его голове. — Ты не желаешь, ты просишь! Желай! Как будто это самое главное, чего ты хочешь в жизни!»

Макс нахмурился. Он снова сжал кристалл. Он снова вспомнил их весёлую беготню. Он отбросил все мысли и просто *почувствовал*. Он захотел увидеть, как этот листик кружится в воздухе, захотел так сильно, как только мог.

В этот момент кристалл в его руке сильно нагрелся. Листик на ветке дёрнулся, раз, другой, а потом вдруг сорвался и начал кружиться в воздухе, поднимаясь всё выше и выше, словно в невидимом вихре. Он танцевал!

– Получилось! – выдохнул Макс, не веря своим глазам.

«Получилось! — восторженно взвизгнул Скип, подпрыгивая на его колене. — Ух ты! А теперь... а теперь заставь его вспыхнуть!»

– Вспыхнуть? – Макс так удивился, что потерял концентрацию.

Танцующий листик тут же потерял свою волшебную силу и, медленно планируя, упал на траву. Кристалл в руке снова стал просто тёплым.

Макс смотрел то на упавший листик, то на кристалл в своей руке, то на восторженного Скипа. Он сделал это сам.

Это было его первое, робкое, неуклюжее, но самое настоя-

щее прикосновение к невозможному, и это было самое невероятное чувство в его жизни.

Макс сидел с широко открытыми глазами на листик. Он заставил обычный листик танцевать. Это было реальнее, чем любая компьютерная игра.

«Ещё! Ещё! — не унимался Скип, прыгая вокруг него. — Ты можешь! Я видел! Давай теперь что-нибудь по-настоящему крутое!»

— Что, например? — Макс всё ещё не мог прийти в себя. Его рука, державшая кристалл, казалась чужой, волшебной.

«Например... например... — Скип огляделся по сторонам, и его взгляд остановился на куче сухих веточек. — Собери их в кучку! Без рук! Слабо?»

«Слабо?» — это слово было как вызов. Макс снова почувствовал азарт.

— Не слабо, — ответил он, крепче сжимая кристалл.

Он снова сосредоточился. Вспомнил восторг от танцующего листика. Это чувство — «я могу!» — было ключом. Он уставился на разбросанные веточки.

«Соберитесь», — подумал он, вкладывая в эту мысль всю свою волю.

Одна веточка дёрнулась, потом другая. Они медленно, очень неуверенно, поползли по земле, как ленивые гусеницы, сгребая сухие листья.

«Медленно! — прокомментировал Скип. — Думай быстрее! Веселее!»

Макс поднажал. Он представил, как веточки – это маленькие солдатики, которые услышали команду и бегут её выполнять. Он хихикнул от этой мысли, и в тот же миг веточки словно сошли с ума. Они запрыгали, заскакали и за несколько секунд собрались в аккуратную горку в центре полянки.

– Ух ты! – вырвалось у Макса.

«Ух ты! — передразнил его Скип. – Я же говорил! Ты волшебник, Макс! Ну, почти. Ученик волшебника. Мой ученик!»

– Твой ученик? – усмехнулся Макс.

«Конечно, мой! Кто тебе сказал, как надо делать? Я! — Скип гордо выпятил свою пушистую грудь. – А теперь... самое сложное. Помнишь, я говорил про „вспыхнуть“?»

– Помню.

«Сделай огонёк. Маленький. Прямо на этой кучке веток».

Макс замер. Огонёк. Настоящий. Это уже не листики и не веточки. Это было по-настоящему.

– Это... это не опасно? – спросил он.

«Опасно – это скучно! — фыркнул Скип. – Не бойся! Просто представь себе маленький, тёплый огонёк. Как свечка на торте. Ты же любишь дни рождения?»

Макс кивнул. Он особенно любил задувать свечи.

Он снова взял кристалл. Теперь камень в его руке казался не просто тёплым, а почти горячим. Он закрыл глаза. Он представил себе торт, свечи, и тот самый момент, когда мама их зажигает, маленький, весёлый, танцующий язычок пла-

мени.

Он открыл глаза и посмотрел на кучку веток.

«Огонёк», – подумал он.

На самой верхушке, на кончике одной из веточек, мелькнула искорка. Точно такая же, из которых появился Скип, потом ещё одна и ещё.

вдруг, из вихря этих искорок, родился крошечный, размером с ноготь, язычок пламени. Он был не оранжевым, а таким же сиреневым, как светился кристалл ночью. Он не коптил и не дымил. Он просто... танцевал.

Макс смотрел на это маленькое, ручное пламя, и у него перехватило дыхание.

Волшебство. Оно было здесь: на кончиках его пальцев, в его мыслях, и оно слушалось его.

«Вот видишь, — прошептал в его голове Скип, на этот раз совсем тихо и почти серьёзно. — Ты можешь».

Макс сидел и, как замороженный, смотрел на крошечный сиреневый огонёк. Он был таким красивым, таким... его.

«Ну что, поджигатель, — хихикнул в его голове Скип, нарушив торжественный момент. — Будем жарить на нём орешки?»

– У меня нет орешков, – рассеянно ответил Макс, не отрывая взгляда от пламени.

«Жаль. А я бы съел. Ладно, давай дальше! Сделай его больше! Чтобы получился настоящий костёр!»

«Больше?» – Макс почувствовал укол азарта. А почему бы

и нет? Если он смог создать огонь, то сможет и управлять им.

Он снова сжал кристалл. Он представил, как маленький огонёк растёт, становится выше, ярче. Он вложил в это желание всю свою уверенность, которая накопилась за последние полчаса.

– Больше! – скомандовал он вслух.

И огонёк послушался. Он и правда стал больше раза в два и уже не был таким сиреневым, а стал обычным, оранжевым.

«Ух ты! Ещё! Ещё!» – подбадривал Скип.

– Ещё больше! – крикнул Макс, чувствуя себя настоящим повелителем огня.

Пламя снова выросло, затрещало, от него повалил дым.

«Что-то дымно, — кашлянул голосок в его голове. — Макс, ты уверен, что...»

Но Макс его не слушал. Он вошёл во вкус. Он был всемогущ!

– САМЫЙ БОЛЬШОЙ! – заорал он, вкладывая в кристалл всю свою силу.

И тут что-то пошло не так.

Кристалл в его руке вдруг стал ледяным. Так резко, что Макс вскрикнул и чуть его не выронил. Костёр, который разгорелся уже до колена, не стал больше. Он... чихнул.

Да, именно так. Он издал громкое «АПЧХИ!», из него во все стороны полетели искры, и он... погас.

Вместо огня над кучкой веток теперь висело маленькое, плотное, серое облачко. Такое, какие рисуют в комиксах.

– Что... что это? – пробормотал Макс, глядя на это недо-
разумение.

*«Это? — голос Скипа был полон сдерживаемого сме-
ха. — Это, мой дорогой ученик, называется „магия пошла
не так“».*

Облачко медленно поплыло в сторону Макса. Он отмах-
нулся от него рукой, но оно было упрямым. Оно подплыло
к его лицу и... лопнуло.

Прямо ему в нос ударил резкий, неприятный запах. Запах
мокрых носков и подгоревшей каши.

– Фу-у-у! – Макс зажал нос. – Какая гадость!

Он не выдержал и засмеялся. От обиды, от неожиданно-
сти, от всей нелепости ситуации. Он, великий повелитель ог-
ня, только что создал вонючее облако.

*«Ха-ха-ха! — заливался в его голове Скип. — Я же гово-
рил! Опасно — это скучно! А вот так — весело! Твоё лицо!
Надо было видеть твоё лицо!»*

Макс смеялся и кашлял одновременно. Слёзы текли
у него из глаз — то ли от смеха, то ли от этого ужасного запаха.

Он посмотрел на кристалл в своей руке. Он снова стал
просто тёплым.

– Почему... почему так получилось? – спросил он, отсме-
явшись.

*«Потому что ты слишком увлёкся, — ответил Скип, уже
более серьёзно. — Ты хотел не просто сделать, а хотел
„показать“, какой ты крутой. Магия этого не любит. Она*

как... как кошка. Если её слишком сильно тискать, она может и царапнуть. Или... ну, ты понял».

Скип кивнул на остатки дымного облачка.

Макс вытер слёзы. Это была его первая магическая неудача, и она была ужасно смешной и, как ни странно, очень поучительной.

Он понял, что магия – это не просто инструмент. Это что-то живое и с ней нужно быть осторожным, уважать её. Ещё он понял, что смеяться над своими ошибками – это совсем не страшно, особенно, когда рядом есть друг, который смеётся вместе с тобой.

Солнце окончательно скрылось за верхушками деревьев. Небо из оранжевого стало тёмно-синим, и на нём, одна за другой, начали зажигаться первые, самые яркие звёзды. В заброшенном парке стало совсем темно и очень тихо, но Макс больше не было страшно.

Рядом с ним, на его рюкзаке, свернувшись калачиком, лежал Скип, а в руке Макс держал кристалл, который снова начал слабо светиться мягким, сиреневым светом, разгоняя тени вокруг.

Они долго молчали. Просто сидели и смотрели на звёзды. – Скип, – тихо позвал Макс.

«М-м-м?» – сонно отозвался голосок в его голове.

– А ты... ты настоящий?

Скип открыл один свой блестящий глаз и посмотрел на Макса.

«А ты?»

– Я – да, – удивился Макс.

«А почему ты решил, что ты настоящий, а я – нет? — Скип сел и потянулся, выгнув свою мохнатую спинку. – Ты меня видишь? Видишь. Слышишь? Слышишь. Шишки, которыми я в тебя кидал, были настоящие? Настоящие. Так в чём вопрос?»

– Не знаю, – честно признался Макс. – Просто... всё это как во сне. Ещё вчера я был... один, а сегодня у меня есть ты и вот это. – Он посмотрел на светящийся кристалл.

«Вчера было вчера, — философски заметил Скип. – А сегодня – сегодня. И сегодня ты не один. Значит, всё хорошо».

Они снова помолчали.

– А откуда ты... всё это знаешь? – снова спросил Макс. – Про магию, про то, что нужно «желать», а не «просить».

«Не знаю, — на этот раз честно признался Скип. – Оно просто... есть внутри, как будто я всегда это знал. Как ты знаешь, как дышать. Ты же не думаешь об этом? Вот и я не думаю. Я просто знаю».

Он спрыгнул с рюкзака и подошёл к руке Макса, в которой лежал кристалл. Он ткнулся в неё своим холодным носиком.

«Этот камень... он как будто часть меня или я – часть его. Когда ты его держишь, я тебя лучше... чувствую. Все твои мысли. Про школу. Про ребят. Про рисунки».

Макс замер.

– Ты... ты знаешь про мои рисунки?

«Конечно, — просто ответил Скип. — Про одинокого космонавта. Хорошо рисуешь. Только грустно очень».

Макс почувствовал, как к щекам приливает краска. Его самая главная тайна, его дневник, и этот маленький пушистый зверёк знает о нём и не смеётся.

— А... — Макс сглотнул. — А тебе не кажется это... глупым?

«Что именно? — искренне удивился Скип. — Рисовать, когда грустно? По-моему, отличная идея. Гораздо лучше, чем просто сидеть и смотреть в стену. Хотя... — он на секунду задумался. — Кидаться шишками ещё лучше!»

Макс улыбнулся.

— Скип, — сказал он совсем тихо. — Спасибо.

«За что? За шишки?»

— За то, что ты появился.

Скип ничего не ответил. Он просто подошёл и потёрся своей мохнатой щекой о руку Макса. Это было лучше любых слов.

Они сидели под звёздами, мальчик и волшебное существо, рождённое из искр и в этой тишине, нарушаемой лишь шелестом листьев, рождалось что-то поважнее магии: дружба, настоящая, та, в которой не нужно притворяться, та, где можно не бояться, что твои самые главные тайны покажутся кому-то глупыми. Макс впервые в жизни подумал, что, наверное, он всё-таки не самый одинокий космонавт во вселенной.

Пора было идти домой.

Макс встал, отряхнул джинсы от прилипших листиков. На улице было совсем темно.

– Ты пойдёшь со мной? – спросил он, глядя на Скипа.

«А куда я денусь? — фыркнул Скин, запрыгивая ему на плечо и цепляясь мягкими лапками за воротник толстовки. – *Мой дом теперь – там, где этот блестящий камушек*».

– Только... дома тебе придётся быть по-настоящему невидимым, чтобы мама с папой не увидели.

«Невидимым? Пф-ф, проще простого! — голосок в его голове зазвучал очень самодовольно. – *Смотри!*»

Макс почувствовал, как Скин на его плече словно... растаял. Вес исчез. Он потрогал плечо – там никого не было.

– Скин? Ты где?

«Тут я, тут, — прошелестел голос прямо у его уха. – *Просто я теперь как воздух. Видишь? Я же говорил, я всё умею!*»

Дорога домой через вечерний парк была совсем другой. Макс больше не боялся теней. Они теперь были просто теньями, а фонари – просто фонарями. На плече у него сидел невидимый, но очень осязаемый друг, который комментировал всё подряд.

«О, собака! Большая! Давай её напугаем? ... А это что за блестящая бумажка? Давай подберём! ... Смотри, у той тётки смешная шляпа!»

Макс шёл и тихонько улыбался. Он, наверное, выглядел немного странно со стороны – мальчик, который один идёт

по тёмному парку и улыбается сам себе, но ему было всё равно.

Когда он вошёл в свою квартиру, он не стал, как обычно, прошмыгивать в комнату. Он спокойно поздоровался с родителями, поужинал и только потом пошёл к себе.

Зайдя в комнату, он первым делом подошёл к зеркалу. Обычно он не любил смотреться в зеркало. Он видел там просто... себя: сутулого мальчика с вечно опущенными глазами. Ничего интересного. Сейчас же он посмотрел на своё отражение и замер. Мальчик в зеркале был тот же: та же серая толстовка, те же растрёпанные волосы, но что-то было по-другому. Во-первых, он не сутулился: его плечи были расправлены. Во-вторых, он смотрел прямо: не в пол, не в сторону, а прямо себе в глаза. И глаза... Глаза были другими. В них больше не было той серой, пыльной пустоты. В них плясали искорки. Отражение света от лампы? Может быть, а может, это были те самые искорки, из которых появился Скип.

«Ну и чего уставился? — прошелестел в его голове голос невидимого друга. — Красавчик, я знаю. Особенно с таким крутым другом, как я, на плече».

Макс улыбнулся своему отражению, и мальчик в зеркале улыбнулся ему в ответ. Это была не вымученная, вежливая улыбка, а настоящая, живая.

Он вдруг понял, что кристалл изменил не только мир вокруг. Он изменил его самого.

Магия была не только в танцующих листиках и сиреневом огоньке. Она была в этом новом чувстве внутри: что ты не один. что ты... можешь. Можешь рассмеяться. Можешь заговорить. Можешь поднять глаза и посмотреть на мир.

Магия пробуждала не силу. Она пробуждала уверенность.

Макс в отражении подмигнул сам себе.

– А мы с тобой ничего, – прошептал он.

«Ещё бы!» – с гордостью согласился Скип.

Макс лёг спать гораздо позже обычного. Он ещё долго сидел за столом, а Скип (уже видимый) носился по комнате, исследуя каждый уголок. Наконец, наигравшись, он свернулся калачиком на подушке рядом с головой Макса и засопел.

Макс погасил свет. Кристалл, лежавший на тумбочке, снова наполнился мягким, сиреневым светом, погружая комнату в атмосферу волшебства. Макс закрыл глаза, улыбаясь. Это был самый лучший день в его жизни.

Он почти провалился в сон, когда почувствовал... что-то странное.

Это был не холод, как от открытого окна и не страх, как в парке. Это было... ощущение, будто в комнату вошло что-то чужое, что-то, чего здесь быть не должно.

Макс открыл глаза.

Свет от кристалла, который до этого был ровным и спокойным, вдруг начал... мерцать, как будто что-то мешало ему, а искорки внутри, которые раньше танцевали, теперь метались, как испуганные мотыльки.

– Слип, – тихо позвал Макс.

Слип на подушке заворочался.

«Что?.. — сонно прошелестел его голосок. — *Спи, Макс-не-пень...*»

– Что-то не так, – прошептал Макс. – Ты чувствуешь?

Он сел на кровати и огляделся. Комната была той же, но ощущение волшебства исчезло. Вместо него появилось это... давящее, неприятное чувство.

Тени в углах, которые казались ему уютными норками, вдруг вытянулись, исказились. Тень от стула стала похожа на длинноногого, худого паука, а тень от стопки книг на столе вытянулась в острый, кривой коготь.

– Мне... мне не нравится это, Слип, – признался Макс.

Слип тут же проснулся. Он сел и повёл своими длинными ушами.

«Да... — прошептал он, и в его голосе больше не было озорства. – *Какое-то... липкое ощущение. Как паутина*».

Кристалл на тумбочке мигнул особенно сильно, и на секунду погас. Комната погрузилась в полную темноту, а когда он снова зажёгся, его свет был уже не сиреневым, а каким-то блёклым, больным, сероватым.

В этом сером свете Макс увидел, что тень от его собственной руки, лежавшей на одеяле, была неправильной. Она была длиннее, чем должна быть, и пальцы на ней были похожи не на пальцы, а на тонкие, острые иглы.

Макс вскрикнул и отдёргнул руку.

«Это не твоя тень! — взвизгнул Скип, и его шёрстка встала дыбом. — Она... чужая! Искажённая!»

Макс в ужасе смотрел, как эта искажённая тень медленно сползает с его кровати и растворяется в общем сумраке комнаты.

Он быстро схватил с тумбочки кристалл. Камень был холодным, как лёд. Макс крепко зажал его в ладони, пытаясь согреть, думая обо всём хорошем, что было днём, — о танцующем листике, о смехе, о разговоре под звёздами.

Медленно, очень медленно, кристалл начал теплеть. Его свет снова стал обретать свой нежный, сиреневый оттенок.

Искажённые тени в углах комнаты отступили, съёжились, снова стали обычными, нормальными теньями. Липкое ощущение паутины ушло.

— Что... что это было? — дрожащим голосом спросил Макс.

«Я не знаю, — тихо ответил Скип, который запрыгнул к нему на колени и дрожал всем телом. — Это была... магия. Но какая-то... другая. Не наша. Колючая».

Макс смотрел на кристалл в своей руке. Он понял. Его находка — это не просто весёлая игрушка. Это что-то настоящее, и, если есть такая светлая, добрая магия, как у них со Скипом, то, значит... где-то есть и другая, тёмная. Эта тёмная, колючая магия, кажется, только что заметила его.

Макс сидел, не шевелясь, и крепко сжимал в руке кристалл. Тепло камня понемногу согревало его пальцы,

но внутри всё ещё было холодно от пережитого ужаса.

– «Колючая» магия? – переспросил он шёпотом.

«Да, — ответил Скип, который всё ещё дрожал у него на коленях. — *Наша магия — она как... как тёплый свитер, уютная, а та... как будто дотронулся до крапивы. Жжётся и чешется. Неприятно*».

Макс посмотрел на кристалл. Он снова светился ровным, сиреневым светом, словно ничего и не было.

– Но... почему? Откуда она взялась?

«Я не знаю, — Скип нервно дёрнул ухом. — *Может, этот мир... он не только наш. Может, в нём есть и другие... существа. С другой магией*».

– С колючей магией?

«Ага. И им, кажется, не понравилось, что мы тут веселимся, как будто мы зашли на их полянку без спроса».

Макс вспомнил свои ощущения в парке: то чувство, что за ним наблюдают, тот первобытный страх. Может, это было не просто воображение? Может, он и тогда почувствовал этот... чужой холод?

– И что теперь будет? – тихо спросил он. – Они придут снова?

«Не знаю, — Скип спрыгнул с его колен и подошёл к кристаллу. Он осторожно потрогал его лапкой. — *Но этот камень... он их отпугнул. Когда ты его согрел, они ушли. Он как... как фонарик в тёмной комнате. Пока он горит, всякие „буки“ боятся подойти*».

– Значит, его нельзя отпускать?

«Наверное. По крайней мере, ночью. — Слип посмотрел на Макса своими блестящими глазками. В них больше не было озорства, во взгляде читалась неподдельная серьёзность. — *Макс, это больше не просто игра. Это... по-настоящему*».

Макс кивнул. Он и сам это понял.

Приключение, о котором он мечтал, оказалось не таким, как в книгах. В книгах всё было понятно: вот герои, вот злодеи, а здесь... здесь было просто «наше» и «чужое», тёплое и холодное, уютное и колючее. Похоже, что «колючее» знало о его существовании.

Он снова лёг в кровать, но на этот раз не выпустил кристалл из руки. Он зажал его в кулаке и спрятал под одеяло. Слип устроился рядом, на подушке, и положил свою маленькую мохнатую голову ему на плечо. Так, вдвоём, они были сильнее.

Макс лежал и смотрел в темноту. Страх ушёл, но на его место пришла тревога. Что это за существа? Что им нужно? Почему их магия такая... неприятная?

Вопросов стало ещё больше, но теперь к ним добавилось новое чувство: чувство ответственности за этот маленький, светящийся мирок, который они создали, за своего нового друга, за этот кристалл, который оказался не просто сокровищем, а ещё и... щитом, и он будет его защищать.

Макс проснулся от того, что в окно светило яркое утрен-

нее солнце.

Он сел на кровати и первым делом посмотрел на свою руку. Он так и уснул, сжимая в кулаке кристалл. Камень был тёплым и спокойным. Рядом, свернувшись клубочком, сопел Скип. «Колючая» магия больше не возвращалась, но что-то необратимо изменилось.

Макс встал и подошёл к окну. Мир за стеклом был прежним: спешили на работу люди, ехали машины, лаяла собака, но он смотрел на всё это другими глазами.

Раньше мир делился для него на две части: шумный, чужой мир снаружи и его тихий, одинокий мир внутри, теперь всё стало сложнее.

Он понял, что существует ещё один мир, третий, мир, который скрыт от всех: мир магии, и этот мир, как оказалось, тоже был разным. В нём была светлая, тёплая сторона – его кристалл, Скип, танцующие искорки. Была и другая – тёмная, холодная, с искажёнными тенями и ощущением липкой паутины. Макс, каким-то образом оказался прямо на границе этих двух миров.

«Ну что, соня, — прошелестел в его голове заспанный голосок Скипа. — Уже любишься своим королевством?»

– Это не моё королевство, – улыбнулся Макс.

«А камень – твой. И я – твой. Значит, и королевство немного твоё», – резонно заметил Скип, потягиваясь.

Макс пошёл в ванную, чтобы умыться. Он посмотрел на себя в зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.